

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск серии «Славянское и балканское языкознание» содержит международную коллективную монографию, авторами разделов которой являются ведущие отечественные и зарубежные специалисты в области палеославистики. В монографии «Палеославистика – 3» воплощен комплексный историко-филологический подход к изучению общеславянского рукописного наследия X–XIV вв., ее разделы посвящены обсуждению новейших результатов текущих разносторонних исследований древних славянских рукописей – их языка, текстологии и палеографии.

Читатель найдет много нового и интересного в результатах текстологических разысканий, представленных в разделах монографии. Выявлению источников древнейшего из сохранившихся восточнославянских толковых флорилегиев – Изборника XIII в. из собрания Ф. А. Толстого (РНБ, Q.п.1.18) – посвятил свой раздел «О некоторых источниках Изборника XIII в.» К. В. Вершинин (ИРИ РАН, Москва). Автор идентифицирует ряд текстов Изборника: отрывок из «Христианской Топографии» Косьмы Индикоплова, два отрывка из «Златоструя», два отрывка из «Сказания церковного» Германа Константинопольского, а также доказывает, что выборки из вопросов Феодорита Кирского и отрывок с именем Геннадия (Константинопольского) попали в Изборник из двух (если не больше) предшествовавших ему русских толковых компиляций. В разделе «К вопросу о недавно обнаруженных версиях церковнославянской Молитвы святого Григория» Мирослав Вепржек (Университет Палацкого, Оломоуц) возвращается к теме своей опубликованной в 2013 г. монографии. Включение автором в текстологический анализ пяти недавно обнаруженных рукописных версий церковнославянского перевода Молитвы святого Григория не изменило его прежнего главного вывода о западнославянском происхождении архетипа памятника, но позволило внести важные уточнения. Монография М. Вепржека 2013 г. основывалась на двух известных тогда рукописях – Ярославской XIII в. (ЯКМ 1548) и так называемой «Молдавской» псалтыри XV в. (ГИМ, Унд. 1274). Обнаружение части

памятника в так называемой Дмитриевой псалтыри позволило уточнить время перевода XI-м веком (скорее всего, его первой половиной). В новом исследовании М. Вепржека обосновывается также утверждение, что вскоре после создания перевода выделились две основные текстовые традиции памятника. Вместе с тем включение в анализ новых рукописей подтвердило высказанное ранее предположение, что наиболее близкие к славянскому переводу латинские рукописи относятся, главным образом, к XI веку. В разделе «Служба свт. Николаю по сербским минеям конца XIII в.», написанном Викторией Легких (Институт славистики Венского университета), рассмотрены службы по трем сербским рукописям XIII–XIV вв. и поставлен вопрос о возможности выделения особой редакции. Автор приходит к выводу, что если речь и может идти здесь о выделении особой редакции, то она очень схожа с русской «Студийской редакцией» – как по составу, так и по переводу. Существенным отличием является лишь канон 2-го гласа «Подеа блаже от былых щедроть всѣм...», известный в настоящее время только сербским минеям XIV в.

Совместное исследование «К вопросу о происхождении Кормчей Ранней русской редакции» Г. С. Баранковой (ИРЯ РАН, Москва) и Е. В. Беляковой (ИРИ РАН, Москва) вносит очередной вклад в изучение этого вопроса. Очень важным представляется вывод, к которому приходят авторы, что, хотя в целом списки текстологически разделяются на две группы (Новгородско-Варсонофьевскую и Волынскую), анализ следует проводить не комплексно, а постатейно. В разделе настоящей монографии дается текстологический анализ нескольких текстов – Правил о черноризцах, Устава Иоанна Пателари и статьи Феодора Студита «О останцѣхъ церковныхъ». И если, например, Правила черноризцам демонстрируют значительное редактирование в Новгородско-Варсонофьевской группе, то статья «О останцѣхъ церковныхъ» свидетельствует об обратном.

Текстологическое изучение списков сопровождается, как правило, изучением их языковых особенностей. Текстологическое исследование старославянского перевода Жития Анастасии Римлянки в святогорской версии (ВНГ 76х), проведенное Йоханнесом Райнхартом (Институт славистики Венского университета), составляет содержание написанного им раздела «Старославянский перевод Мучения Анастасии Римлянки (ВНГ 76х, z)». Исследование показало, что первоначальный

перевод, сделанный, видимо, в X или XI веке в Болгарии, сохранился лучше всего в самом древнем из дошедших до нас списков – Пазинском фрагменте XIV в., а также в двух списках XVI в. – из Вильнюсского сборника № 103 и Уваровского сборника № 351, тогда как остальные списки претерпели среднеболгарскую редактуру. Вместе с тем автор обращает внимание на характерную для преславских книжников лексику первоначального перевода, приближающую его к Преславской литературной школе.

Особенно большое место изучение языковых особенностей вовлеченных в текстологический анализ списков занимает в разделе «Самая ранняя версия славянского перевода *De Anastasiā patriciā* в сербском списке XIV века», написанном Марией Спасовой (Великотырновский университет, Болгария). В результате сопоставления текста жития в сербском минейно-триодном сборнике, хранящемся в Национальном историческом музее в Софии (НИМ24), с версиями текста в Азбучно-Иерусалимском и Сводном патериках автор приходит к выводу, что текст НИМ24 атрибутируется ближе к архетипу, который являлся самостоятельным переводом, осуществленным в конце IX – начале X века в Плисковско-Преславском переводческом центре.

Много внимания в коллективной монографии уделяется исследованиям лексики. Раздел «Редкие и лексикографически не описанные лексемы в древней славяно-русской письменности», написанный М. И. Чернышевой (ИРЯ РАН, Москва), композиционно построен как ряд отдельных небольших главок, посвященных редким переводам названий раковин с моллюском. Раздел содержит большое количество относящихся к этим наименованиям сведений – как лингвистического, так и историко-культурного характера. Уделяет внимание автор и символическим смыслам, приобретаемым наименованиями в христианскую эпоху. Сведениям историко-культурного характера отводится значительное место и в разделе «Перевод выражения *ἄρδος πιστικῆς* (Мк 14:3) в славянской письменной традиции X–XIV вв.», написанным А. В. Григорьевым (МПУ, Москва). Автор раздела сосредоточил свое внимание на выражении *ἄρδος πιστικῆς* и его переводах в славянской письменности X–XIV вв. Григорьев подробно анализирует как культурно-исторический контекст греческого выражения, движение его семантики и семантики составляющих его слов, так и причины выбора славянскими переводчиками / редакторами разных

славянских соответствий, который, как показал автор, определялся не только их стремлением к грецизации или славянизации текста, но и знакомством с византийской богословской традицией. Большое внимание лексическому уровню языка уделено также в разделе «Переводческие особенности древнехорватской буллы Ордену паулинов 1371 г.». Его соавторы В. В. Козак (ИЛИ РАН, С.-Петербург) и А. Л. Макарова (Цюрихский университет, ИЛИ РАН, С.-Петербург) определили предметом изучения технику перевода буллы папы Григория XI Ордену паулинов с латинского языка на древнехорватский. Анализ лексических и синтаксических особенностей текста буллы подводит авторов к выводу об осмысленной переводческой работе в поисках подходящих семантических соответствий оригиналу (контекстуально обусловленное варьирование переводящих лексем, выбор одного древнехорватского соответствия при переводе нескольких латинских синонимов, перевод латинских лексем древнехорватскими словосочетаниями и т. п.). В разделе «О роли старославянской суффиксации при калькировании греческих композитов», написанном В. С. Ефимовой (ИСл РАН, Москва), показано, что суффиксация в процедуре образования композитов-калек отличала старославянское сложение (compounding) от сложения в славянской народной речи того времени и использовалась шире, чем в греческом сложении. Автор предполагает, что в отсутствие артикля как такового в славянском грамматическом строе, суффиксация продуктивными суффиксами вводится св. Кириллом как переводческая установка с целями различения композитов-адъективов и композитов-субстантивов, номинирующих предметы.

Пolemический характер носит раздел «Еще к вопросу о морфологической структуре старославянского глагола», написанный В. А. Дыбо (ИСл РАН, Москва). В нем автор возвращается еще раз к результатам исследования, опубликованным в его фундаментальной, объемной статье «Еще раз о праиндоевропейском характере двух праславянских акцентных парадигм глагола» («Славянское и балканское языкознание: Палеославистика-2», 2019 г.). В работе 2019 г. на большом материале было продемонстрировано, что в праславянском языке выбор типа аориста у тематических глаголов зависел от их акцентной парадигмы, и была показана индоевропейская древность этих акцентных парадигм. Однако оставалось мнение Кристофа Коха, которое требовалось критически рассмотреть и обсудить. Кох полагал, что

связь баритонированных глаголов с тематическим аористом возникла тогда, когда инхоативы на *-nŕ* претерпели метатонию и получили баритонезу. В своей новой работе В. А. Дыбо предлагает принять во внимание исследование Ярослава Горбачова, с учетом материала которого заключает, что любые баритонированные на балтославянском уровне глаголы, имеющие окситонированные параллели в южных индоевропейских языках, можно трактовать как получившие вторичную доминантность медиопассивы, и их связь с соответствующими аористами не нуждается в какой-либо аналогической поддержке соответствующих *-nŕ*- глаголов, которую предполагал Кох.

Полемический характер носит и раздел «Суффикс *-ic-ь* в славянских языках», написанный Ростиславом Станковым (Софийский университет). Существование этого суффикса в славянских языках весьма проблематично, но автор пытается доказать, что суффикс *-ic-ь* в древности функционировал в южнославянском ареале, хотя и в качестве непродуктивного. Во всяком случае интересен вывод автора, что если именем великоморавского князя было *Растнць*, то оно имеет отношение либо к его росту ('человек небольшого роста', 'коротышка'), либо к его происхождению ('побег, отросток, росток' – если допустить, что он являлся представителем побочной ветви своего рода). Оба варианта, как полагает автор, следует расценивать как прозвища, и они дают объяснение факту вытеснения имени *Растнць* именем *Растнславъ*.

Уделено внимание в коллективной монографии также и палеографии древних славянских рукописей, хотя и меньшее, чем их языку и текстологии. Дискуссионный характер носит теоретическая разработка Барбары Ломаджистро (Университет Бари) в разделе «К новой классификации типов кириллического письма (X–XV вв.)». Б. Ломаджистро подвергает критике принятый в настоящее время большинством палеографов подход к классификации кириллического письма, подразумевающий трехчастную систему его типологии: устав, полуустав и скоропись. Автор считает плодотворным опыт исследователей латинской палеографии, сконцентрировавших внимание на внутреннем механизме развития письма. В разделе предлагается метод описания разных начерков кириллического письма, соответствующая ему новая терминология, а также в общих чертах излагается история кириллического письма с позиций теоретической модели развития письменности.

Поразительные результаты дает иногда возвращение на новом уровне знаний в области палеославистики к, казалось бы, давно изученным и установленным, «освященным традицией» положениям. Обращение А. А. Турилова к изучению палеографических особенностей «Кодекса Ганкенштейна» позволило существенно уточнить датировку этой знаменитой рукописи. В разделе «К вопросу о датировке “Венского Октоиха” (“Кодекс Ганкенштейна”» автор приводит доказательства вхождения «Кодекса Ганкенштейна» в графическом отношении в группу галицко-волыньских памятников конца XIII – первой четверти XIV вв.

Прекрасный пример комплексного подхода к изучению рукописного наследия являет собой исследование «Один лист Вуканова евангелия (1196–1202): предтеча “боснийских” (западносербских) рукописей XIII–XV века» Виктора Савича (Белградский университет и Институт сербского языка САНУ). Десятый лист хорошо всем известного Вуканова евангелия, написанный четвертым (из восьми) писцом, давно уже привлекал внимание палеославистов. Всесторонний анализ палеографических, фонетических, орфографических, морфологических особенностей этого листа на фоне анализа историко-культурного контекста создания известного памятника письменности приводит автора раздела к заключению, что десятый лист Вуканова евангелия «прямо из Рашской епископии антиципирует совокупность “боснийских книг”, которые моложе его на целое столетие», а «южный путь» распространения древнего южнославянского наследия оказывается в действительности «восточным путем».

В. С. Ефимова